

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ И СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

Беньямин Форстер, швейцарский пчеловод-подвижник в Переславле-Залесском

Без антибиотиков и пестицидов: опыт швейцарца, создавшего органическую пасеку в России

©ФАО/Владимир Михеев

18/05/2026

2026 год объявлен ООН Международным годом женщин-фермеров, но и мужчины-фермеры продолжают вносить огромный вклад в продовольственную безопасность. 15 апреля сотрудники [Отделения ФАО для связи с Российской Федерацией](#) побывали в Переславле-Залесском, где встретились с Беньямином Форстером – швейцарцем, который более 15 лет назад переехал в Россию, получил гражданство, создал органическую пасеку и открыл школу пчеловодства. В интервью Беньямин («...мои русские друзья давно зовут меня Веней...») рассказал о том, как влюбился в Россию, как занялся пчеловодством, с какими проблемами сталкиваются пчеловоды в России, почему отказался от использования антибиотиков в своём ремесле, и что для него значит старообрядческая православная вера.

История Бенямина Форстера – это история о том, как органическое пчеловодство, ответственное отношение к природе и стремление совершенствовать эту подотрасль могут служить примером для развития устойчивого сельского хозяйства в России и за её пределами.

– Бенямин, вы родились и выросли в Швейцарии. Что именно вас привлекло в России и почему вы выбрали не Москву и не Санкт-Петербург, а именно Переславль-Залесский?

– Моя связь с Россией началась очень необычно. Я вырос в швейцарской провинции, в старом доме. Сначала это была гостиница, потом дом принадлежал разным владельцам. А в какой-то момент этот дом стал пристанищем для беженцев. Когда к власти в России пришли коммунисты, многие русские покинули родину, и некоторые из них нашли временный приют именно здесь. Позже дом купил новый хозяин. В комнатах он нашёл множество старых книг и дневников — всё на русском языке. Но он не понял ценность этих документов и просто всё выбросил. А ведь там, наверное, можно было обнаружить очень интересные детали из истории России. Сохранилась только большая картина с царской семьёй, которая висела на первом этаже, — я видел её каждый день, всё своё детство.

Позже я переехал в Цюрих. Там я познакомился с русской семьёй — тремя братьями примерно моего возраста. Это были сыновья диссидента Анатолия Корягина. В советское время он был вынужден эмигрировать в Швейцарию. Мы с братьями стали очень хорошими друзьями. Через них я приобщился к русской культуре и православию. В 1996 году я впервые приехал в Россию в отпуск — мне понравилось. Потом меня потянуло сюда всё сильнее. Обычно иностранец влюбляется в русскую девушку и через неё привязывается к стране. А я сначала влюбился в саму страну, а потом только встретил мою будущую супругу.

– Как вы начали заниматься пчеловодством?

– У меня был очень тяжёлый период в жизни. Я развёлся с первой супругой, а у нас было трое детей. Я сам с семи лет рос не с родителями и очень не хотел, чтобы дети повторили мою судьбу. Я хотел, чтобы папа и мама были рядом с ними. Развод дался мне очень сложно. Мне нужно было чем-то отвлечься, переключиться на позитивные мысли. И я начал заниматься пчеловодством. Немного громко сказано, но это была для меня своего рода психотерапия. Пчёлы помогли мне. Сначала просто заинтересовался, потом увлёкся этим делом. Постепенно хобби переросло в профессию.

– Чем пчеловодство в России отличается от пчеловодства в Швейцарии? Что сложнее, а что проще?

– Начну с позитивного: в России проще с точки зрения освоения пространства. Швейцария – маленькая страна, там высокая плотность: 4,7 пчелиной семьи на квадратный километр. К тому же треть территории занимают Альпы, которые не подходят для пчеловодства, – много гор. А у нас здесь много свободной земли, нет такой плотности, на моей пасеке трава выше моего роста (*а Беньямин воистину гренадёрского роста, 202 см!*)– настоящий рай для пчёл.

Теперь о негативной стороне: в России государство не очень поддерживает пчеловодство. На юге страны агрохолдинги массово применяют пестициды – пчёлы гибнут, а власти, можно сказать, занимают не сторону пчеловодов. В Швейцарии, наоборот, государство защищает пчеловодов, там строгие нормы по пестицидам и плотный контроль за их исполнением.

В советское время российское пчеловодство было на очень хорошем, мировом уровне – пасеки были огромными. Но после распада Советского Союза появился новый паразит – клещ варроа (*Varroa destructor*). Он пришёл из Индонезии через Сибирь и Центральную Россию, а потом распространился и по Западной Европе. Из-за этого вредителя пчеловодство в мире сильно изменилось. В России же из-за нестабильности в стране продолжали использовать старые методы, в том числе и пестициды. В Швейцарии в первые годы тоже так боролись, но только в самом начале. Швейцарцы справились с этой проблемой уже через несколько лет. А в России люди до сих пор борются с этим клещом теми же методами. Я считаю, что российское пчеловодство немного застряло в прошлом веке.

В России также повсеместно используют антибиотики, в том числе для борьбы с заболеваниями гнилец и нозематоз. Всё это попадает в воск, а потом и в мёд. Мёд подаётся как лечебный продукт, но в нём сейчас большое количество антибиотиков и пестицидов.

У Роскачества создан портал для умного покупателя, для чего в 2020 и 2023 году была проведена масштабная проверка мёда. Протестировали образцы по нескольким сотням химических параметров – протоколы есть в открытом доступе. По итогам исследования написали, что небольшие проблемы имеются, но в целом всё нормально. Я сам изучил протоколы и проанализировал: в более чем 50% проверенного мёда обнаружили заметные следы либо пестицидов, либо антибиотиков. Роскачество утверждало, что проблем нет, но это всё потому, что в России нет нормативов на остаточное количество пестицидов и антибиотиков в мёде. В Швейцарии и Евросоюзе нормы жёсткие: если есть даже незначительные следы – мёд не допускают к продаже.

– Для ФАО проблема антибиотикорезистентности – одна из самых важных. Мы знаем, что вы ведёте органическое пчеловодство. Насколько остро, на ваш взгляд, стоит проблема использования антибиотиков и антибиотикорезистентности в пчеловодстве в России?

– Как я уже сказал, больше 50% мёда в России содержит антибиотики. Я не врач, но логика простая: если мы постоянно принимаем микродозы антибиотиков с едой, рано или поздно они перестают помогать, когда действительно нужны. У моего отца была операция, и после неё он подхватил внутрибольничную инфекцию. Бактерия оказалась полностью резистентна ко всем антибиотикам. Он долго мучился, врачи ничего не могли сделать.

Одно дело – съесть такой мёд однократно. Но если ты постоянно ешь мёд с антибиотиками, яйца от кур, которым давали антибиотики на ферме, и так далее – всё это накапливается. Во-первых, это ведёт к антибиотикорезистентности. А во-вторых, антибиотики разрушают нашу микрофлору, кишечник, а она отвечает за иммунную систему. Если мы ломаем эту систему – последствия очень серьёзные. Потребители об этом почти ничего не знают. Многие пчеловоды тоже не осознают опасности.

В Швейцарии, например, ведётся строгий мониторинг. В 90-е годы там тоже применяли много пестицидов, но потом их запретили по закону, и уровень загрязнения постепенно снизился. В России же нет ни строгого контроля, ни нормативов. У нас даже нет сертифицированной лаборатории для анализа воска – а пестициды и антибиотики накапливаются именно в нём, а потом передаются в мёд.

Мы с Союзом три года назад купили образец воска/вошины в московском «пчелином» магазине и отправили его на анализ в немецкую лабораторию. Оказалось, что содержание пестицидов превышает нормы Евросоюза. Там такой воск/вошину не допустили бы к продаже. А у нас никто это не проверяет. Нет нормативов, нет контроля. Это огромная проблема.

– В феврале 2026 года вы вместе с коллегами открыли региональное отделение «Союза пчеловодов России» в Ярославской области. Какие задачи вы ставите перед этим отделением?

– Союз уже давно существует, но теперь мы официально оформились. Пчеловодам нужно объединяться – вместе мы сильнее. Государство пока не уделяет нам внимания: тем не менее без опыления пчёл урожайность некоторых культур, например яблок, падает на 60–70%. В Швейцарии пчеловоды и аграрии работают вместе и понимают, что пчёлы выгодны всем. А у нас – конфликт: ветеринары против пчеловодов, аграрии против пчеловодов. Глупая ситуация. Чтобы нас слышали, нужно объединиться – тогда у нас будет один общий голос.

Мы сейчас боремся с большой проблемой – массовым ввозом пчелиных пакетов[1] из-за рубежа, в основном от наших южных соседей. Каждый год их привозят до полумиллиона. В них есть новые паразиты, которые у нас пока не обосновались. Это одноразовое пчеловодство: бизнесмены их привозят весной, осенью забирают весь мёд, а к зиме пчёлы погибают. **Но даже если оставить им мёд на зиму, они очень плохо зимуют.** Южные пчёлы не приспособлены к нашему климату, они часто гибнут, но перед этим успевают заразить местные пасеки болезнями. По закону, пчелиные пакеты должны проходить 30-дневный карантин – но никто за этим не следит. А ещё они заражают наших пчёл. Мы сейчас боремся с этим, но государству, кажется, проще смотреть на это сквозь пальцы.

– Что нужно изменить в законодательстве, чтобы помочь органическим пчеловодам и борьбе с фальсификацией мёда?

– Россия ещё очень далека от органического пчеловодства. Какие-то законы есть. Например, существует российский сертификат на органическую продукцию – идея хорошая, но на практике остаётся много нерешённых вопросов. Нужны строгие государственные законы, которые защитят пчеловодов от агрохимикатов. Это самое важное – для экосистемы, для фермерской культуры.

Что касается грантов, например «Агростартап»: получить их пчеловоду очень сложно. Система устроена так, что больше баллов получает, скажем, ферма с коровами. А пчеловод практически без шансов. Ещё один недостаток грантовой системы состоит в том, что часто гранты получают не люди, обладающие необходимыми навыками ведения хозяйства, а те, кто умеет красиво оформлять документы с юристами.

Ещё в России нет государственной системы обучения пчеловодству. Институты есть, но каждый учится сам по себе, нет единого стандарта. А в Швейцарии есть единый стандарт обучения на государственном уровне. Это огромная проблема. То, что есть сейчас, остатки советского времени, а нужны современные стандарты. Как «Нива» 1970-х – когда-то она была хорошей машиной, но сегодня это уже не актуально. Тогда советское пчеловодство было на высшем уровне, но мир уже ушёл вперёд.

– Вы упомянули образование. Мы знаем, что вы организовали свою школу пчеловодства, снимаете ролики для YouTube, проводите экскурсии и мастер-классы. Почему для вас так важно передавать знания людям? Какой способ оказался наиболее эффективным?

– Мне нравится общаться с людьми, делиться своими знаниями. Я считаю, у меня есть талант к общению, и мне это приносит большое удовольствие. Экскурсии – это хороший инструмент, на них приходят потенциальные клиенты. Я спокойно объясняю им проблемы пчеловодства, показываю, как всё устроено. Люди видят, как это интересно и красиво, и становятся постоянными клиентами – потому что понимают, что покупают.

На мои курсы приходят в основном начинающие пчеловоды. Те, кто работает 20–30 лет по старинке, не готовы ничего менять. Я могу им сказать, что их методы устарели, но они это воспринимают в штыки. С новичками проще – они открыты к новому, приходят на офлайн-курсы. После пандемии COVID-19 многие перешли на онлайн, я тоже пробовал. Но мне это не очень нравится. Живое человеческое общение – это совсем другой уровень. Пчеловодство – сложный предмет, много факторов. Нужно не только видеть, но и задавать вопросы, обсуждать. Если просто смотреть видео – многое упускаешь.

– Вы старообрядец, прихожанин Русской православной старообрядческой церкви. Как вы пришли к вере и как она изменила вашу жизнь?

– Я крестился ещё в 1999 году в обычном православии, на Афоне. О старообрядчестве тогда ничего не знал. Позже познакомился со своей будущей супругой Екатериной. Она из известной

старообрядческой семьи. Через неё я узнал об этом пути, начал читать книги, расспрашивать. В конце концов решил перейти в старообрядчество. Меня привлекло то, что старообрядцы хранят старые традиции, но при этом не закрываются от нового полностью. Служба у нас длиннее, нет музыкальных инструментов – красивое знаменное пение, больше похожее на молитву, чем на музыку. Вера – очень большая часть моей жизни. Каждый христианин должен стараться быть лучше, делать маленький шаг каждый день. Иногда падаешь, что-то делаешь не так – но важно это заметить, понять причину и расти дальше. Без веры моя жизнь пошла бы совсем другим путём.

Интервью брала Ксения Калиневич

Фотографии Владимира Михеева

Мнения, выраженные в настоящем информационном продукте, принадлежат автору (авторам) и не обязательно отражают точку зрения Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединённых Наций (ФАО).

[1] Пчелопакет – это небольшая пчелиная семья: три рамки с расплодом, одна с кормом, пчелиная матка и 1,2 кг рабочих пчел. Пчелопакеты покупают для обустройства или расширения пасеки, а также замены погибших пчелосемей.

Отделение ФАО для связи с Российской Федерацией

<https://www.fao.org/russian-federation/ru>